

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ШЕКШОВО: “ВЛАДИМИРСКИЕ КУРГАНЫ” В СВЕТЕ НОВЫХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2020 г. Н.А. Макаров^{1,*}, А.М. Красникова^{2,**}, И.Е. Зайцева^{1,***},
М.В. Добровольская^{1,****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Государственный исторический музей, Москва, Россия

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru

**E-mail: krasnikova.an@yandex.ru

***E-mail: izaitseva@yandex.ru

****E-mail: mk_pa@mail.ru

Поступила в редакцию 25.02.2020 г.

Полевые исследования могильника Шекшова — крупнейшие по своим масштабам изыскания на погребальных памятниках Северо-Восточной Руси, проведенные в текущем столетии. Новые раскопки Шекшовского некрополя демонстрируют возможность и перспективность повторного обращения к отдельным памятникам, считавшимся полностью изученными ранее. Открытие грунтовых погребений, курганных насыпей и ранее неизвестных в Суздальском Ополе поверхностных кремаций показывает некрополь как комплекс со значительным разнообразием видов погребального обряда и погребальных сооружений, с культурными элементами, принадлежащими различным традициям. В статье решаются вопросы хронологического соотношения и историко-культурных взаимосвязей между отдельными группами погребений, дается общая характеристика этого яркого памятника X–XII вв.

Ключевые слова: Древняя Русь, погребальный обряд, курганы, кремации, грунтовые погребения.

DOI: 10.31857/S086960630012630-2

Современные представления о погребальных памятниках центра Ростово-Суздальской земли основываются на данных раскопок середины XIX в., сформировавших общее видение развития обряда и характера комплексов в этой части Руси в X–XII вв. (Уваров, 1871; Спицын, 1905; Лапшин, 1985). Образ “владимирских курганов” как многочисленных могильников с земляными насыпями, сложным обрядом и разнообразным инвентарем во многом определил в науке культурный облик Северо-Восточной Руси домонгольского времени. Полевые работы 1970–1980-х годов прояснили характер и хронологические позиции отдельных погребальных памятников Суздальского Ополя (Седова, 1997), однако были недостаточны для создания качественно новой картины погребальных древностей Северо-Восточной Руси. Необходимо заново обратиться к самым ярким памятникам, затронутым раскопками середины XIX в. и советского времени, используя методы современной науки.

Исследование могильника Шекшова 9, известного по раскопкам А.С. Уварова, начато в 2011 г. как пробное, с целью оценки состояния некрополя, прояснения перспектив и методов повторного изучения. Выбор могильника обусловлен связью с Шекшова 2, одним из “больших поселений” Суздальского Ополя (Макаров, Федорина, 2015); размерами некогда находившегося здесь курганного поля (в 1852 г. вскрыто 244 насыпи); высокой долей ранних погребений, в том числе кремаций. Находка в раскопе погребения с парадным инкрустированным серебром топориком со знаками Рюриковичей (Макаров и др., 2013) проявила особый статус памятника как могильника, содержавшего погребения элиты XI в., и стала одним из оснований для организации широких стационарных раскопок 2011–2017 гг. Наиболее яркие комплексы и находки введены в научный оборот (Макаров, Зайцева, 2016; Зайцева, 2017а, б; 2018, 2019). Цель статьи — обобщить данные о погребальном обряде, хронологии, пространственной организации могильника и составить его целостную характеристику.

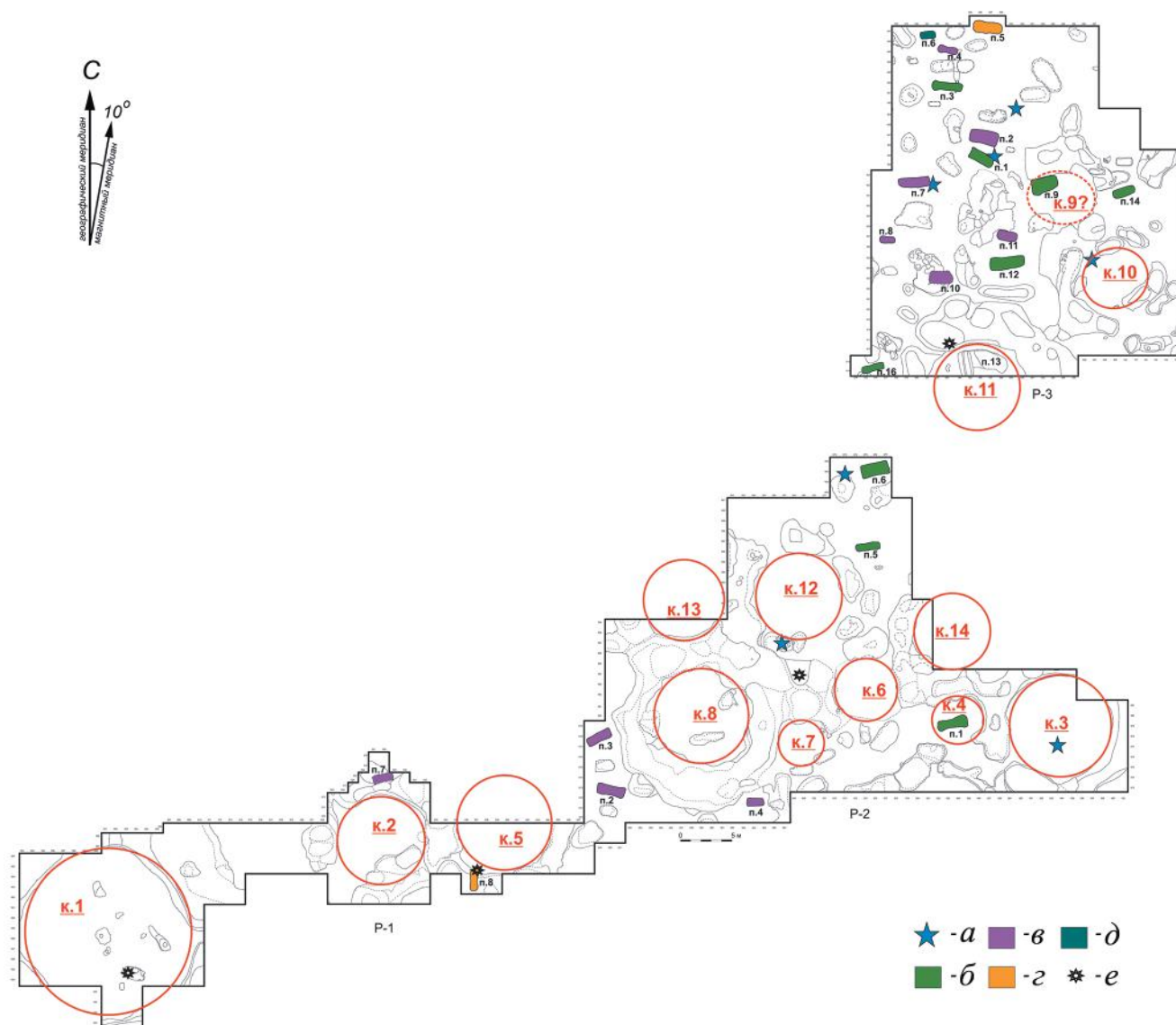

Рис. 1. Могильник Шекшово 9. План раскопок 2011–2017 гг. Условные обозначения: *a* – кремации X в.; *b* – погребения начала–первой половины XI в.; *v* – погребения XI в.; *z* – погребения второй половины XI–XII в.; *d* – хронологически неопределимые погребения; *e* – переотложенные ингумации.

Fig. 1. The Shekshovo 9 burial ground. The plan view of 2011–2017 excavation sites

Площадка могильника Шекшово представляет собой сейчас пахотное поле без следов наземных погребальных сооружений. Его общая площадь, определенная по находкам на пашне средневековых предметов (главным образом металлических украшений, собранных с использованием металлодетектора) и костей из разрушенных погребений, составляет около 6 га. Геофизической разведкой выявлено более 40 круглых в плане аномалий, которые с большой достоверностью можно идентифицировать как остатки курганов – окруженные ровиками основания насыпей (Модин и др., в печати).

За семь лет раскопок в Шекшово на площади около 2550 м² частично или полностью вскрыты основания 14 курганных площадок, на 6 из них исследованы целые и остатки нарушенных погребений по обряду кремации и ингумации (рис. 1). На площадках трех курганов выявлены следы старых раскопок, идентифицированные как курганы, раскопанные А.С. Уваровым в 1852 г. Установлено, что из 26 открытых целых и нарушенных погребений по обряду ингумации 19 с большой долей вероятности представляли собой грунтовые могилы, не перекрытые курганными насыпями. Вещевая коллекция из раскопок

Таблица 1. Радиоуглеродные даты некрополя Шекшова 9

Table 1. Radiocarbon dates of the Shekshovo 9 necropolis

№ п/п	Лабораторный номер	Место отбора	Радиоуглеродная дата	Ошибка	Интервал калиброванных дат (1σ)	Интервал калиброванных дат (2σ)	Материал
1	KIA-50457	P2, погр. 1, кв. 584/084, проба 134	1105±20	20	899–976	890–990	Уголь
2	KIA-50458	P2, яма 2, развал сосуда, проба 135	1040±28	28	987–1020	960–1040	Нагар
3	Ле-10664	P3, курган 10, площадка, кв. 692/690. Образец 3	1100±20	20	895–985	890–990	Уголь
4	Ле-10665	P3, курган 10, с края площадки. Образец 3	1060±50	50	890–1030	870–1150	Уголь
5	Ле-10666	P3, курган 10, западный ровик. Образец 4	1140±30	30	875–975	780–990	Уголь
6	Ле-11190	P3, курган 10, северо-восточный ровик, гл. 666–664 см	1060±55	55	890–1030	860–1160	Уголь
7	Ле-11191	P3, курган 10, юго-восточный ровик	1205±45	45	720–890	680–950	Уголь
8	Ле-11192	P3, курган 11, восточный ровик	1130±25	25	885–970	820–990	Уголь
9	Ле-11193	P3, курган 11, северный ровик	1200±25	25	775–870	720–900	Уголь
10	ГИН-15514	P2, курган 12, кремация	1100±50	50	892–990	777–1023	Уголь
11	ГИН-15515	P2, курган 12, кремация	1130±40	40	882–978	776–990	Дерево
12	ОхА-35668	P2, курган 12, кремация	1066±26	26	970–1017	896–1021	Уголь
13	ГИН-15678	P2, курган 12, северный ровик, гл. 650 см	810±55	55	1183–1269	1048–1286	Уголь
14	ГИН-15679	P2, погр. 6, заполнение ямы	1255±60	60	675–782	655–894	Гумус

и сборов насчитывает почти 2500 ед. Около 1700 (380 из сборов) средневековых предметов из серебра, цветного металла, железа и стекла из разрушенных или задетых распашкой погребений собрано в пахотном слое на площадке могильника. По образцам углей, древесного тлена и нагара на керамике получено 14 радиоуглеродных дат (табл. 1).

Уже на начальном этапе работ стало очевидно, что для характеристики могильника в равной мере существенны как выявленные остатки разрушенных погребальных сооружений, скрытых под пахотным слоем, так

и отдельные мелкие находки из этого слоя; многие из них имеют датирующее значение. Реконструкция общей пространственной композиции некрополя возможна здесь путем соединения планиграфии отдельных находок, костных остатков (многие из них нельзя приписать к конкретным погребениям и курганам) и данных о погребальных сооружениях, погребениях, поминальных комплексах, частично нарушенных или не задетых старыми раскопками и распашкой. При выборе участков на площадке мы ориентировались, с одной стороны, на места скопления средневековых

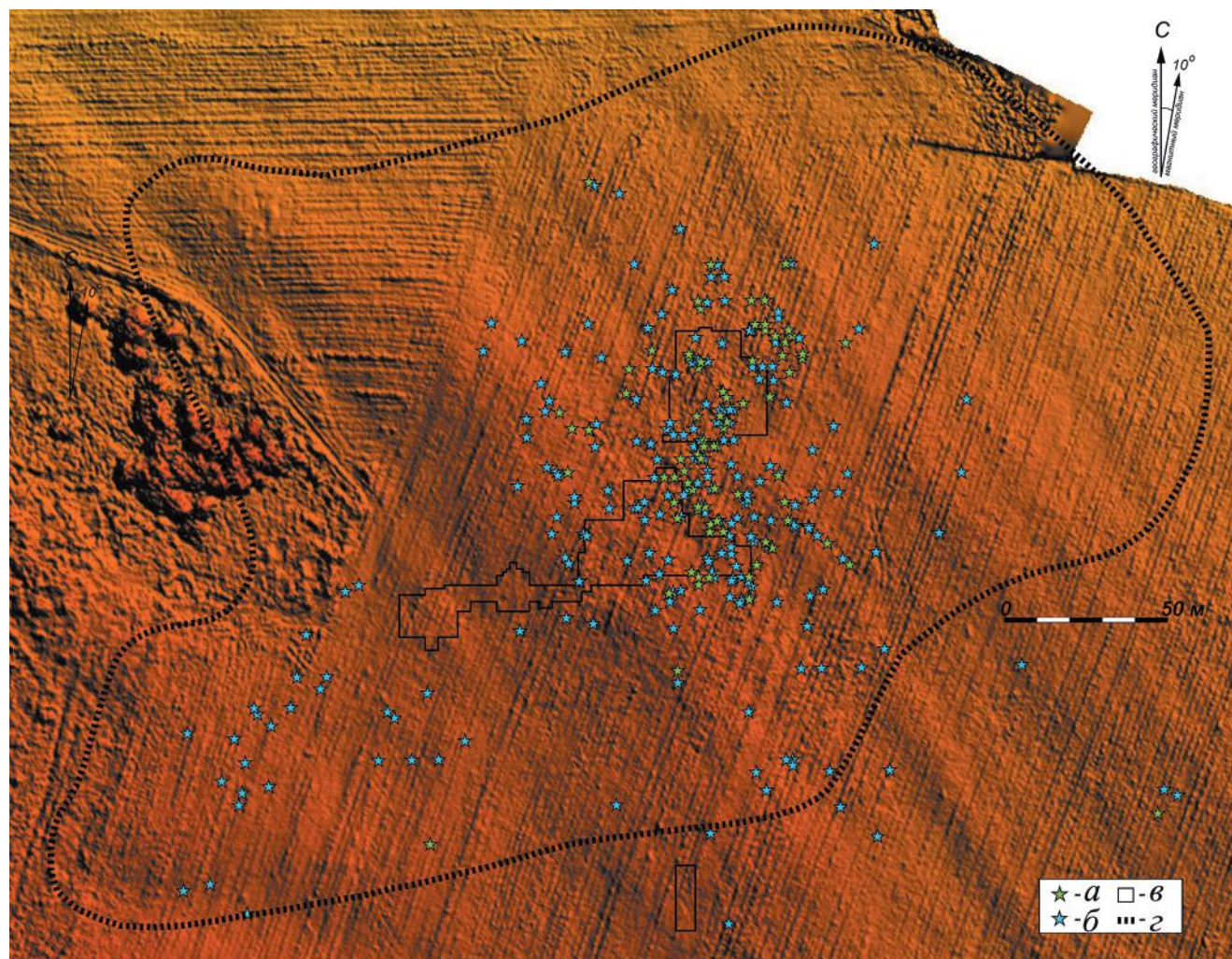

Рис. 2. Могильник Шекшово 9. Работы 2011–2017 гг. Распространение находок из сборов. Условные обозначения: *a* – находки со следами пребывания в огне; *b* – находки без следов пребывания в огне; *v* – границы раскопов; *z* – границы памятника.

Fig. 2. The Shekshovo 9 burial ground. Works of 2011–2017. Distribution of finds from land survey

вещей в пахотном слое (рис. 2), с другой – на геофизические аномалии, которые предположительно интерпретировались как курганы. Около четверти пахотного слоя, разобранного вручную, промыто в ваннах для сбора мелких находок и кальцинированных костей.

Работы в Шекшове – первый опыт повторного изучения древнерусского могильника в центре Ростово-Суздальской земли широкими раскопками с установкой на поиски прежде не затронутых исследователями погребальных комплексов и на изучение ранее вскрывавшихся участков с курганными насыпями. Современное состояние некрополя затрудняет реконструкцию первоначального вида курганных насыпей, связей между отдельными погребальными комплексами и

пространственной структуры могильника: наземные погребальные сооружения утрачены, а значительная часть инвентаря – во вторичном залегании. Но собранные за семь лет материалы достаточны для прояснения общего облика могильника и динамики его формирования.

Курганы как погребальные сооружения. Основными видимыми структурными элементами Шекшовского могильника некогда были курганные насыпи, но распахка полностью снивелировала их остатки. Документация, составленная А.С. Уваровым, не позволяет в полной мере прояснить их облик. Судя по дневниковым записям, диаметр 72% курганов составлял 4–10 м, 6.6% – не более 3 м, две насыпи выделялись размерами – 13 и 16 м. Курганные площадки, вскрытые раскопками 2011–2017 гг.,

имели диаметры от 4-5 до 12 м, лишь в одном случае — 17.5.

Установлено, что площадки семи курганов (№ 1–3, 8, 10–12) были окружены концентрическими ровиками, в некоторых случаях с небольшими перемычками (№ 10) и заглубленными участками в отдельных секторах. У двух курганов (№ 4, 6) — ровики в виде овальных ям по обе стороны площадки. Состояние исследованных курганных площадок не позволяло полностью проследить конструктивные особенности насыпей, а во многих случаях даже установить первоначальное расположение погребения. Два кургана содержали остатки кремации на уровне горизонта на краю площадки (№ 10, 12) — разновидность устройства кургана, ранее неизвестная в Суздальском Ополе; один — остатки ингумации на горизонте (№ 1), два — ингумации в материковых ямах (№ 4, 11). Место помещения погребений не установлено в пяти курганах, но очевидно, что их площадки не прорезаны могильными ямами (№ 2, 3, 5, 7, 8), т.е. останки погребенных могли находиться на горизонте или в насыпи.

При всей фрагментарности новых данных о курганах и погребениях, отмеченных земляными насыпями, очевидно, что курганный обряд в Шекшовском могильнике предполагал различные варианты размещения кремированных и несожженных останков. Это в полной мере соответствует данным дневников раскопок 1852 г. Основываясь на наблюдениях 2011–2017 гг., можно полагать, что курганы, возведенные над погребениями в материковых ямах, преобладавшие в большинстве исследованных в 1960–1990-е годы могильников центра Суздальской земли (Михайловская сторона Суздаля, Новоселки, Чернокулово, некрополь на участке Ризоположенского м-ря), не были здесь доминирующим типом.

Точную высоту шекшовских курганов нельзя установить; не указана она и в архивных материалах XIX в., где фигурирует лишь глубина, на которой находились костяки. Максимальные значения высоты курганов в случае обнаружения погребения на уровне горизонта составляли 0.4–3.4 м (не более 1 м — 47%, в диапазоне 1–2 м — 50%, глубина погребения более 2 м отмечена лишь в пяти курганах). Некоторые косвенные признаки, в том числе незначительная мощность пахотного слоя, сформировавшегося из распаханных насыпей на площадке могильника, также указывают,

что они не были высоки; размером выделялась насыпь кургана 1, содержавшего погребение с парадным топориком. Курганы, несомненно, были видимым элементом нового культурного ландшафта, формировавшегося в X–XI вв. вблизи большого поселения Шекшова 2 на возвышенном участке между реками Ирмес и Урда, и маркировали значение этой территории как места некрополя. Однако в отличие от сопок и больших курганов многих областей Руси (Поволховье, Помостье, Юго-Восточное Приладожье, Верхнее Поднепровье, Москов-рецкий бассейн) курганные насыпи здесь едва ли возводили как монументальные земляные сооружения, призванные стать ландшафтными доминантами и закрепить за локусом особый символический смысл, их архитектура для этого недостаточно выразительна.

Грунтовые кремации. На площади памятника собрана значительная коллекция предметов (631 экз.) со следами пребывания в огне или полностью потерявших первоначальную форму (рис. 3). Из них 356 найдено в пахотном слое, 264 — в переотложенном состоянии в заполнениях ровиков курганов и ямах неясного назначения. Основной участок с подобными находками локализуется в самой возвышенной части плато, на котором находится могильник, и занимает площадь чуть более 1 га. Среди находок со следами пребывания в огне, обнаруженных вне комплексов, предметов из цветного металла 55.7%, из серебра 23%, из стекла 15.2%, из железа 4.2%, из рога 0.6%, из камня 1.3% (рис. 4). Примерно половина цветного металла и серебра — капли и кусочки металла от предметов, утративших исходную форму. Большинство определимых находок — украшения костюма. Среди женских — 79 стеклянных и 7 сердоликовых бусин, фрагменты 2 шейных гривен, 8 фр. разных по форме браслетов, 3 фр. подковообразных фибул, 4 перстня, 35 фр. подвесок разных форм, 5 бубенчиков. Массивные подвески из цветного металла, изготовленные в технике “воскового вязания”, частично сохранили форму, но серебряные украшения из тонкой проволоки и пластин полностью расплавлены. Таким образом, состав дошедших до нас украшений может не полностью соответствовать их реальному набору в costume. Среди деталей мужского костюма — орнаментированные наконечники поясов (4), поясные накладки (57) и фрагменты накладок от кошельков (9) (Зайцева, 2015, 2018). В числе других вещей со следами воздействия огня — наконечник стрелы, кресало

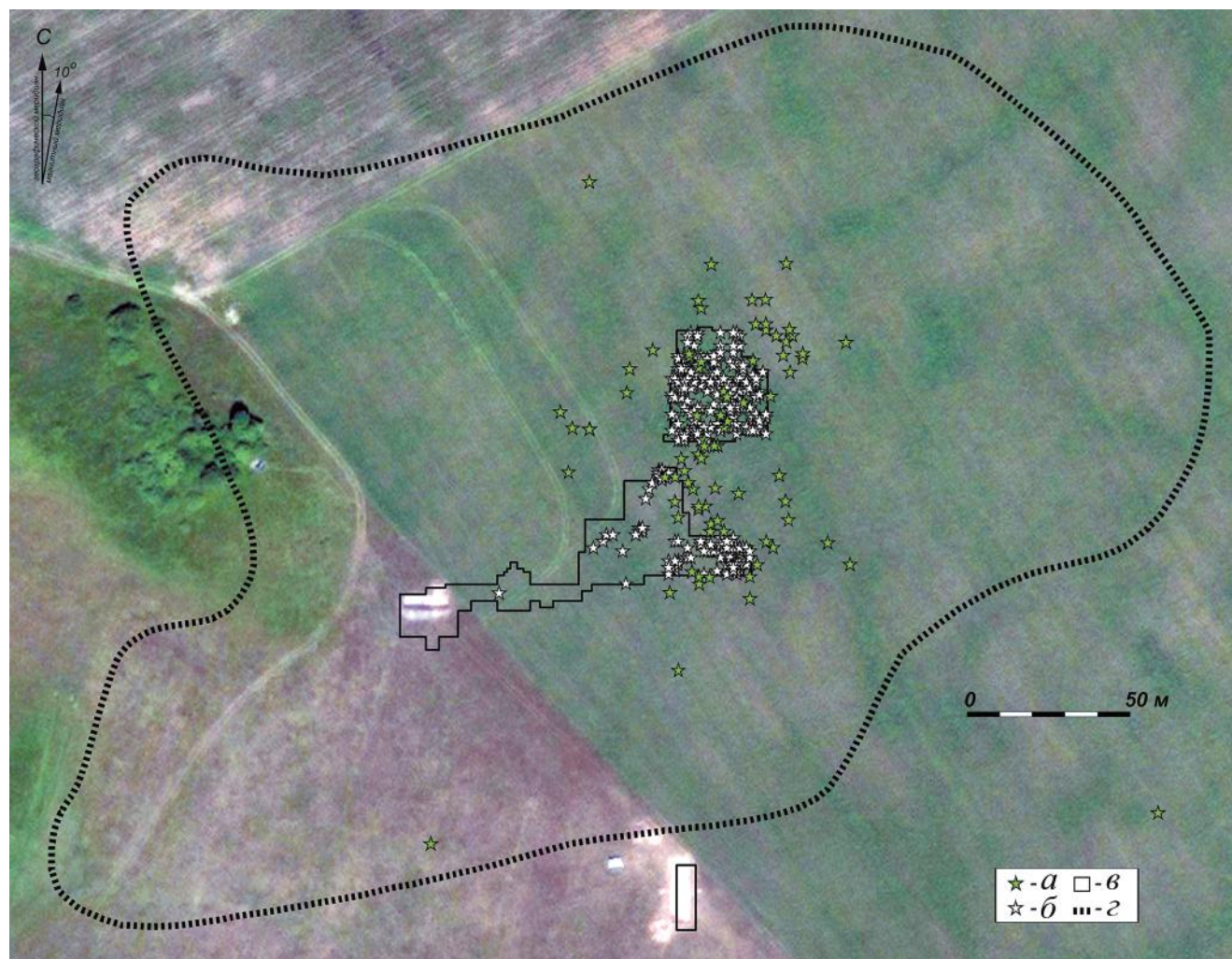

Рис. 3. Могильник Шекшово 9. Работы 2011–2017 гг. Распространение находок со следами пребывания в огне. Условные обозначения: *а* — находки из сборов; *б* — находки из раскопов; *в* — границы раскопов; *г* — границы памятника.
Fig. 3. The Shekshovo 9 burial ground. Works of 2011–2017. Distribution of finds with traces of fire impact

и шесть ножей (все железные), две бочковидные гирьки, четыре дирхема.

Кальцинированные кости в распахке не видны, они собраны в раскопах: в распахке, на уровне погребенной почвы и в заполнении ям. Часть костей и оплавленных предметов из металла и стекла, собранных в пахотном слое, может происходить из разрушенных подкурганных погребений, в том числе в курганах 3 и 10 (Захаров, 2014). Но характер распределения основной массы кальцинированных костей позволяет считать, что это остатки кремаций, находившиеся на древней дневной поверхности или в неглубоких ямах, которые курганы не перекрывали. На открытой площади зафиксировано четыре скопления (границы пятен нечеткие) пережженных костей и оплавленных металлических предметов (на контакте почвенного горизонта

и пахотного слоя или в ямах). Вес костей из скоплений — от 30 до 170 г.

Большая их часть происходит из северной и центральной частей раскопа 3, в том числе с участков, где следы сооружения курганных насыпей не зафиксированы. Слой с остатками кремаций здесь прорезан ямами ингумаций XI–первой половины XII в.: отдельные кальцинированные кости отмечены в заполнении шести могильных ям (№ 3–5, 7, 12, 14). В яме погр. 7 (раскоп 3) обнаружены фрагменты черепа взрослого человека, 49 оплавленных предметов и капли металла — остатки кремации, попавшие в засыпку могилы XI в.

В северной части раскопа 2 отдельные кальцинированные кости отмечены в заполнении могильной ямы ингумации начала XI в. (погр. 6). Их скопление (50 г; среди них

Таблица 2. Шекшово 9. Монеты из раскопок и сборов

Table 2. Shekshovo 9. Coins from excavations and surface finds

№	Определение	Описание	Датировка	Год находки	Археологический паспорт
Дирхемы					
1	Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд	Целый, с ушком	365 г.х. (975/976 г.)	2011	Сборы, № 4
2	Саманиды, 'Абд ал-Малик б. Нух, Нисабур	Целый, края сильно обломаны	345 г.х. (956/967 г.)	2011	Сборы, № 5
3	Саманиды, Мансур б. Нух, Бухара	Целый, с ушком	358 г.х. (968/969 г.)	2011	Сборы, № 27
4	Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд	Целый, сильно согнут, с отверстием	323 г.х. (934/935 г.)	2011	Сборы, № 37
5	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Обломок, около 1/8, вес 0.59 г	X в.	2012	Сборы, № 43
6	Волжские булгары, Михаил б. Джа'фар(?), две оборотные стороны	Обломок, около 1/2, вес 1.54 г	середина X в.	2012	Сборы, № 57
7	Саманиды, 'Абд ал-Малик б. Нух, Бухара	Целый, поцарапан, немного погнут, с отверстием и остатками заклепки от ушка	348 г.х. (959/960 г.)	2012	Сборы, № 58
8	Саманиды, Ахмад б. Исма'ил, Андараба	Целый, помят, погнут, поцарапан, край немного обломан, вес 2.81 г	300 г.х. (912/913 г.)	2012	Раскопки, № 42
9	Бувайхиды или Зийариды, с лакабом бувайхидского амира Рукн ад-даула Абу 'Али, место и год чеканки отломлены	Обломок, около 1/8, вес 0.2 г	335–364 гг.х. (947–975 гг.)	2012	Раскопки, № 119
10	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Мелкий фрагмент с заклепкой от ушка	?	2012	Раскопки, № 135
11	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Мелкий фрагмент, вес 0.12 г	?	2012	Раскопки, № 140
12	Саманиды, Нух б. Наср, Балх (дирхем с широким полем)	Разрезан и разломлен на три неравные части, погнут, с отверстием и остатками ушка, край подрезан, общий вес 4.34 г	3(40?) г.х. (951/952 (?) г.)	2012	Раскопки, №143
13	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Обрезок-обломок, ок. 1/6, с ушком	X в.	2012	Раскопки, № 145
14	Саманиды (?), имя амира, место и год чеканки отломлены	Мелкий фрагмент, вес 0.09 г	X в.	2012	Раскопки, № 156
15	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Мелкий фрагмент, вес 0.04 г	?	2012	Раскопки, № 160
16	Саманиды, имя амира, место и год чеканки отломлены	Обломок, около 1/5, вес 0.57 г	X в.	2012	Раскопки, погр. 1, № 6
17	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Обрезок-обломок, ок. 1/7, вес 0.36 г	X в.	2013	Сборы, № 37
18	Саманиды, Нух б. Наср, Бухара	Обломок, ок. 1/4, погнут, вес 0.71 г	341 г.х. (952/953 г.)	2013	Сборы, № 49
19	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Обломок, ок. 1/6, вес 0.38 г	IX–X вв.	2013	Сборы, № 51

Таблица 2. Продолжение.

20	Аббасиды, ал-Муктадир биллах, место и год чеканки отломлены	Обломок, ок. 1/4, вес 0.59 г	295–320 гг.х. (908–932 гг.)	2013	Сборы, № 52
21	Саманиды, Ахмад б. Исма'ил, место чеканки отломлено, по типу — аш-Шаш	Обрезок-обломок, около 1/4, немного погнут, отверстие с выломанным краем, вес 0.79 г	298 г.х. (910/911 г.)	2013	Раскопки, № 86
22	“Слепой” дирхам (?), монето-видная пластинка (?)	Обрезок-обломок, около 1/4, с отверстием, деформирован, вес 0.92 г	?	2013	Раскопки, заполнение ямы погребения 3 № 314/1
23	Подражание оборотной стороне куфической монеты	Брактеат, обломок, ок. 1/4, вес 0.53 г	X в.	2013	Сборы, № 43
24	Саманиды, имя амира и место чеканки отломлены, по типу — Наср б. Ахмад, Самарканд	Обломок, ок. 1/10, вес 0.37 г	309 г.х. (921/922 г.)	2013	Сборы, № 206
25	Саманиды или подражание Саманидам, эмитент, место и год чеканки не установлены (дирхем с широким полем)	Обрезок-обломок, ок. 1/20, вес 0.41 г	Вторая половина X в.	2013	Раскопки, № 14
26	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Обломок, около 1/6, оплавлен, вес 0.75 г	IX–X вв.	2014	Раскопки, № 3
27	Саманиды, Ахмад б. Исма'ил, аш-Шаш	Обрезок-обломок, ок. 1/3, оплавлен	295–301 гг.х. (907–914 гг.)	2014	Раскопки, № 95
28	Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, место и год чеканки отломлены, по типу — Балх	Обломок, ок. 1/3, вес 0.98 г	289–295 гг.х. (902–908 гг.)	2014	Раскопки, № 354
29	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Обломок, ок. 1/18, вес 0.18 г	Вторая половина X в.	2015	Раскопки, № 18
30	Саманиды (?), эмитент, место и год чеканки утрачены	Обломок, ок. 1/6, вес 0.46 г	X в.	2015	Раскопки, № 72
31	Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены	Обломок, ок. 1/12, вес 0.22 г	IX в.	2015	Раскопки, № 80
32	Подражание куфической монете	Разломлено на 2 части, край обломан, гладкое пластинчатое ушко из белого металла, вес 0.52 (с ушком)+0.58 г	IX–начало XI в.	2016	Раскопки, погр. 3, № 4
33	Подражание саманидскому дирхему Насра б. Ахмада, по о.с. одноштемпельное брактеатам № 27 и 28 из погребения 6	Обломок, ок. 1/6	Вторая половина X в.	2017	Раскопки, № 6 (102)
34	Симджуриды, саййид ал-умара Абу 'Али, Найсабур (Нисабур)	Обрезок-обломок, ок. S	384 г.х. (994/995 г.)	2017	Раскопки, погр. 5, № 1
35	Подражание о.с. саманидских дирхамов Насра б. Ахмада с искаженным именем халифа ал-Муктадира биллаха, брактеат	Целый, с ушком, край сильно обломан	Вторая половина X в.	2017	Раскопки, погр. 6, № 27
36	Подражание о.с. саманидских дирхамов Насра б. Ахмада с искаженным именем халифа ал-Муктадира биллаха, брактеат	Целый, с ушком	Вторая половина X в.	2017	Раскопки, погр. 6, № 28

Таблица 2. Окончание.

Денарии и милиарисии					
37	Германия, Оттон I, Кельн	Целый, с ушком	936–962 гг.	2011	Сборы, № 48
38	Германия, чекан региона Франконии, Оттон II или Оттон III	Целый	973–1002 гг.	2013	Раскоп 2, ровик кургана 8
39	Англия, Этельред II, Лондон, монетчик Леофнод, тип С (“Cgux”)	Целый, с отверстием	991–997 гг.	2014	Раскоп 3, погр. 12
40	Византия, Константин VII	Целый, с отверстием	945–959 гг.	2013	Сборы, № 3
41	Византия, Константин VII и Роман II	Целый, с ушком	945–959 гг.	2017	Раскоп 2, погр. 6

Примечание. 1–36 – определения А.А. Гомзина, 37–41 – П.Г. Гайдукова.

фрагменты плечевой кости, фрагмент верхней челюсти взрослого человека) расчищено рядом в почвенном слое, как и оплавленные металлические украшения, стеклянные бусины, синий и желтый бисер; обломки серебряного втульчатого височного кольца, подвески-конька, подвески из дирхема. Следы курганной насыпи на этом участке не выявлены.

Деформированные огнем металлические украшения и стеклянные бусины, собранные в пахотном слое, принадлежат к типам, основной период бытования которых – X или X–XI вв. Среди них нет типов, вошедших в обиход в XI в. Для датирования кремаций важны находки куфических монет: из шести оплавленных дирхемов определимы два, чеканенные в 901–908 и 907–914 гг. (табл. 2). В XI–первой половине XII в. по крайней мере часть участка, где размещались кремированные остатки (северная часть раскопа 3), использовалась для ингумаций в грунтовых ямах.

Состояние кальцинированных костей из пахотного слоя (общий вес 2100 г), их белый или светло-серый цвет и мелкие размеры фрагментов указывают на высокую температуру горения. Они принадлежат не менее чем 20 индивидам, среди которых 2 мужчин, 2 женщины и 4 ребенка (половозрастная принадлежность прочих не установлена). В общей массе костных останков представлены единичные пережженные кости животных: свиньи (14 фр.), крупного рогатого скота (1 фр.), мелкого рогатого скота (5 фр.) и собаки (1 фр.). Средний вес костных останков от одного погребения не превышал 100 г. Таким образом, можно полагать, что на площадку могильника переносили лишь часть кремированных останков, а сам обряд не предусматривал компактной

группировки костей и погребального инвентаря, а, напротив, был ориентирован на их рассеянное размещение по поверхности. Грунтовые поверхностные кремации радикально отличаются по характеру от кремации в кургане 12, где большой объем пережженных костей вместе с погребальным инвентарем плотно размещен на компактном участке. Вес костей в этом скоплении вдвое больше общего веса кремированных костных останков, собранных на остальной площади раскопов в Шекшове (Макаров и др., 2017).

Различные варианты поверхностных кремаций второй половины I – рубежа I–II тыс. выявлены и документированы в настоящее время в ряде могильников северных областей Руси – от Ижорского плато, Причудья и Северного Приладожья до Кубенского озера и р. Кострома (Леонтьев, 1996; Макаров, 2009. С. 181; Захаров, Меснянкина, 2012; Михайлова, 2014; Бельский, 2017; Стасюк, 2017). Наиболее значительная группа могильников, содержащих поверхностные кремации (в большинстве случаев вместе с другими видами кремаций), исследована в Юго-Западном Белозерье (Башенькин, 2011). Полевые работы последних десятилетий показали, что ареал этого погребального обряда не был ограничен севером Европейской России: могильники с кремациями, остатки которых помещались в грунтовые ямы и на поверхность, выявлены на Средней Оке (Сыроватко, 2014), в Волго-Клязьменском междуречье, на востоке Клиньско-Дмитровской гряды (Вишневский и др., 2007).

Для документирования поверхностных кремаций и реконструкции своеобразных обрядовых действий и форм обращения с останками умерших важны наблюдения С.Д. Захарова

на основе исследования двух могильников у поселения Крутик на Белозерье. Площадки этих могильников никогда не распахивали, а методика раскопок позволила собрать все артефакты и костные останки, детально зафиксировав их положение. Этим достоверно установлено размещение остатков кремации на поверхности значительных по площади участков без обустройства отдельных погребений как компактных локальных комплексов. Убедительно показано также, что на площадку могильника переносили лишь часть сожженных костей и на одного индивида приходится несколько граммов костных остатков (Захаров, Меснянкина, 2012).

Возможность выявления могильников с “рассыпными” или грунтовыми кремациями в регионах с интенсивной многолетней распашкой ограничена. В Суздальском Ополе остатки бескуранных кремаций до раскопок в Шекшове не были известны. Состояние собранных там пережженных костей и вещей со следами огня не всегда позволяет установить их изначальное положение и взаимосвязь. Обращение к исследованным С.Д. Захаровым могильникам Крутика как к эталонным показывает, что присутствие на месте могильника с поверхностными кремациями лишь части кремированных остатков и рассеянное их размещение правомерно рассматривать как отражение реального характера обрядовых практик, а не следствие разрушения погребальных комплексов.

За последние десятилетия круг памятников с “рассыпными” или поверхностными кремациями существенно расширен. В этом обряде следует видеть элемент не какой-либо одной этнокультурной традиции, как считалось ранее. Близкое соответствие поверхностных кремаций, открытых вблизи Которского погоста на Плюссе и на Кубенском озере, в далеко отстоящих друг от друга регионах с разной культурной подосновой, по мнению Е.Р. Михайловой, указывает на их связь с древними погребальными обычаями, имевшими широкое распространение в лесной полосе (Михайлова, 2014. С. 331, 332).

Бескуранные ингумации. Из 26 целых и нарушенных погребений по обряду ингумации 5 находилось в курганах; в 2 случаях вопрос о наличии земляной насыпи над погребальной ямой остается неясным; 19 погребений совершены в грунтовых ямах на участках, где нет ясных признаков устройства курганных

площадок и следов снивелированных насыпей. Бескуранные погребения открыты на четырех локальных участках — в раскопах 1–3 примерно половина размещалась в наиболее возвышенной части площадки могильника, в северной части раскопа 3, там же, где открыты остатки поверхностных кремаций. Вместе с этой группой погребений рассмотрим и два захоронения, принадлежность которых к курганным или бескуранным не определена.

Погребения выявлены в прямоугольных в плане ямах, на глубине от 35 до 78 см от уровня современной поверхности. Контуры ям выделялись на фоне материка или погребенной почвы по пестрому заполнению, с глиной и почвенным гумусом. На трех участках прослежены компактные локальные группы погребений с одинаковой ориентацией и элементами рядового расположения могил. Ямы углублены в материк на 20–40 см, за исключением нескольких более мелких детских погребений. Учитывая значительную мощность почвенного слоя, можно полагать, что первоначальная глубина могильных ям — не менее 40–60 см. Длина ям с погребениями взрослых индивидов — от 2 до 3.3 м, ширина — от 0.7 до 1.3. Остатки костяков в ингумациях — разной степени сохранности: от двух детских остались лишь зубы, в одном погребении кости не сохранились. На запад ориентировано 13 погребений (отклонение на север и на юг до 30°), головой на восток — 2, головой на юг — 1. Восемь погребенных определены как женщины или девушки-подростки, пять — как взрослые мужчины, восемь — как дети. Все погребенные помещены в могильные ямы на спине в вытянутом положении (один ребенок — с поворотом на левый бок). В девяти случаях руки вытянуты; по одному случаю: руки разведены и немного согнуты в локтях; левая рука положена на живот; обе руки сложены на животе. Вероятно, деревянные сооружения в могилах были, но железные костыли и гвозди для скрепления досок отмечены лишь в двух случаях, еще в двух расчищены деревянные плашки. Положение костяка в погр. 6 с несколько раздвинутыми в локтях руками указывает, что погребальное сооружение было достаточно просторно.

Украшения и металлические детали костюма содержали 15 погребений (все, кроме 3 мужских и 3 детских); в 15 погребениях найдены сопровождающие вещи из металла (бытовые предметы, орудия труда, предметы

Рис. 4. Могильник Шекшово 9. Находки (1–28) со следами пребывания в огне из пахотного слоя.
 Fig. 4. The Shekshovo 9 burial ground. Finds (1–28) with traces of fire impact from the arable layer

вооружения) и украшения, специально положенные в могилу. Сосуды помещали обычно в ноги (14 погребений). Из бытовых вещей наиболее многочисленны ножи (в 12 погребениях — мужских, женских и детских). В четырех мужских погребениях найдены кресала, в двух — наконечники стрел, по одному разу в могилах были кресальные кремни, фитильная трубка, ключ, шило и дирхем без ушка и отверстия для подвешивания. В женских погребениях помимо ножей найдены кожаный кошелек с заклепками, шило и железный стержень, в детских — игольник и пряслице.

Набор украшений в погребениях женщин и девочек включал перстнеобразные и бусинные височные кольца (в 8 погребениях — от 2 до 4 экз., в 1 — 16), ожерелья из бусин и бисера (в 13 погребениях — от 1 до 160 бусин, в большинстве погребений взрослых женщин — от 50 до 90), браслеты (в 2 погребениях), перстни (в 4), подвески к ожерелью, в том числе монеты (в 4), головные венчики (в 1), в 2 случаях этот убор дополнен шумящими подвесками, в 2 — подковообразными фибулами. Наиболее богатый набор украшений представлен в погр. 6 (раскоп 2). В него помимо обычных для Шекшова компонентов входили шейная гривна, подвески из византийской и куфических монет и украшения обуви — арочная подвеска с волютами и пластинчатые подвески с привесками. Металлические детали мужских костюмов — поясные пряжки и поясные кольца — найдены в двух погребениях.

Большинство металлических украшений и бытовых вещей из погребений имеют широкие хронологические рамки бытования в пределах X–XII вв. Для определения хронологического положения бескурганных погребений существенно присутствие в 14 комплексах лепной керамики, дата которой не должна выходить за рубеж XI–XII вв. С этим хорошо согласуются находки дирхема Сайид ал-Умара Абу ‘Али, 994/995 г. (погр. 5, раскоп 2), подвесок из монет-подражаний дирхемам Насра б. Ахмада, подвески из милиарисия Константина VII и Романа II 945–959 гг. (погр. 6, раскоп 2), подвески из английской монеты Этельреда, чеканенной в 991–997 гг. (погр. 12), завязанного перстня и браслета (погр. 2, 3), ножа с прямой спинкой и железной гирьки (погр. 1).

Для уточнения хронологических позиций погребенных важны наборы бусин и бисера из погр. 1, 3–5, 12 и 14 (раскоп 3) и 6 (раскоп 2), включавшие от 15 до 150 ед.

(рис. 5). В пяти из наборов обильно представлены золото- и серебростеклянные, желтые и синие одночастные и многочастные лимонки (погр. 1, 3, 6 (раскоп 2), 12, 14), глазчатые бусины (погр. 1, 3) и бисер из тянутых трубочек черного, синего и зеленого цветов (погр. 1, 3, 6 (раскоп 2), 12). Такие наборы характерны для конца X — первой половины XI в. Наиболее позднее положение среди комплексов с ожерельями из бусин занимает погр. 5, где из 55 бусин 36 — серебростеклянные бочонковидные гладкие и ребристые с каймой, а лимонки лишь 4. Значительная доля серебростеклянных ребристых бусин обычна для наборов второй половины XI в. Основываясь на вещевых находках, девять погребений можно датировать XI в., три — концом X — первой половиной XI в., пять — первой половиной XI в., одно — второй половиной XI в. и одно — первой половиной XII в.

Для характеристики обряда существенно, что 10 погребений взрослых индивидов находилось в могильных ямах, размеры которых существенно превышали размеры самих тел (длина ямы в пяти случаях составляла 2.5–3 м, в двух превышала 3 м). Использование больших могильных ям в XI в. отмечают для погребальных памятников разных областей Руси и Балтийского региона; высказано и мнение об особом, престижном значении подобных могил (подробнее см. Макаров, Зайцева, 2016). Погребения в могильных ямах длиной более 2.6 и шириной до 1.5 м хорошо документированы в двух курганных могильниках Суздаля XI–первой половины XII в.: на Михайловской стороне и на участке Ризоположенского м-ря. М.В. Седова интерпретировала практику помещения умерших в большие могильные ямы как форму манифестации их высокого социального статуса в ситуации, когда иные способы его материального выражения были уже недопустимы по нормам христианского обряда (Седова, 1997).

В последние десятилетия несколько бескурганных могильников X–XI вв. с погребениями в больших могильных ямах исследовано на территории Польши и Германии (Janovsky, 2011; Kara, 2014; Müller-Wille, 2014). С суздальскими могильниками некоторые из них объединяет контраст между скудостью погребального инвентаря и большими размерами погребальных сооружений. Очевидно, обряд погребения в больших могильных ямах с западной ориентировкой и сравнительно

Рис. 5. Могильник Шекшово 9. Находки (1–63) из погребения 14 (2015 г.).

Fig. 5. The Shekshovo 9 burial ground. Finds (1–63) from burial 14 (2015)

скромным набором инвентаря без сооружения земляной насыпи над могилой получил в XI в. широкое распространение в Восточной Европе как одна из новых форм погребальной практики, возникшая в среде новообращенной элиты.

По своему общему характеру шекшовские бескурганные ингумации близки классическому погребальному обряду XI–первой половины XII в., известному по курганным могильникам в разных областях Руси. Отметим некоторые особенности обряда, существенные для характеристики культурных традиций этой группы населения, в первую очередь присутствие сопровождающих вещей в мужских погребениях. Обычай помещать туда бытовые вещи и орудия труда (кроме ножей) вышел из обихода населения городов и многих сельских областей Руси в XI в. На северо-востоке Руси он широко практиковался на Белозерье, Мологе, в Тверском и Угличском Поволжье, но имел ограниченное распространение в центре Ростово-Суздальской земли. В могильнике на Михайловской стороне Суздаля (исследовано более 130 погребений) единственная категория сопровождающих вещей — ножи (в 4 захоронениях, см.: Седова, 1997. С. 161–164). При раскопках 2011–2017 гг. в Шекшове не найдены рабочие топоры, а это важнейшая часть мужского погребального инвентаря в Белозерье и верхнем течении Волги. Практически полная депортизация хранящейся в ГИМ музейной коллекции из раскопок “Владимирских курганов” не позволяет выявить топоры, найденные в 1852 г. в 42 комплексах (упомянуты в дневниках А.С. Уварова).

Значимая деталь погребального обряда, отмеченная в восьми захоронениях, — обычай помещать в могилу два (в одном случае три) сосуда. Для древнерусских могильников XI–первой половины XII в. характерны одиночные сосуды в ногах погребенных; отдельные погребения с двумя горшками известны в могильниках на Белом и Кубенском озерах (Макаров, 2009), однако истоки этой традиции связаны скорее с Волго-Окским регионом, чем с Севером.

Женский убор в погребениях с ингумациями — обычный для Руси XI–первой половины XII в. — височные кольца, ожерелья и украшения рук. Близкие наборы представлены в женских погребениях некрополя на Михайловской стороне Суздаля. Из общей серии выделяется погр. 6 (раскоп 2) с треугольной

каркасной подвеской, двумя подковообразными фибулами, скреплявшими одежду на груди, и металлическими украшениями обуви с шумящими привесками. По своей композиции этот набор сочетает древнерусские и поволжско-финские элементы и близок комплексам из погребений XI в. в могильниках на Волоке Славенском и Кубенском озере (Макаров, 1997, 2009). Этот комплекс — единственное пока погребение, где зафиксирована обувь с металлическими украшениями финского облика в Суздальском Ополье в X–XI вв.

Бескурганные ингумации как особая форма погребального обряда получили в XI–XII вв. широкое распространение на Юге Руси, в том числе в Среднем Поднепровье, и на Севере, в центре Новгородской земли. Шекшовские ингумации в грунтовых ямах — первая репрезентативная серия погребений, документирующая существование этой формы обряда в XI в. в Суздальской земле, в Волго-Клязьминском междуречье. Погребальный обряд шекшовских ингумаций следует общей древнерусской традиции. Обычай устройства больших могильных ям отражает воздействие обрядовых практик, получивших распространение в разных областях Восточной Европы после принятия христианства. В то же время в этих погребениях заметны элементы обряда, не связанные с традициями крупных культурных общностей, черты местного своеобразия, маркеры собственной идентичности.

Хронологическое соотношение кремаций и ингумаций, курганов и бескурганных погребений. Хронологические позиции могильника определяются с учетом датировки комплексов и отдельных датирующих вещей из пахотного слоя. Основная масса находок из Шекшова — предметы, время бытования которых установлено в рамках X, X–XI и XI–XII вв. Значительная часть артефактов найдена вне комплексов, свыше трети ненарушенных погребений — малоинвентарные, с датами в рамках XI в. Определить узкие, в пределах около 50 лет, даты можно для 15 комплексов, в том числе с монетами (4 погребения), наборами стеклянных бус и металлических украшений.

Важны, конечно, монетные находки. Их всего 41: 36 целых и фрагментированных дирхемов (из них 10 с ушками и отверстиями для подвешивания), 3 денария и 2 милиарисия, превращенные в подвески. Все определимые дирхемы отчеканены в X в., 11 из них — монеты второй половины X в., самые поздние — 2 дирхема

975/976 г. и монета 994/995 г. Дата милиарисиев — 945–959 гг. Денарии чеканены в 936–962, 991–997 и 973–1002 гг. Большинство монет собрано в восточной части раскопа 2 и в раскопе 3, в восточной части площадки могильника, отдельные находки — с других участков. Картирование монет из пахотного слоя позволяет локализовать зону распространения разрушенных погребений X–XI вв.

Одна из самых многочисленных категорий находок из пахотного слоя — поясные накладки (около 90 экз.). Среди них выделено 12 наборов: 3 включают накладки “позднехазарских” типов (вошли в обиход в IX, распространены в X в.); 8 определены как болгарские (бытовали во второй половине X в.); 1 включает ременные украшения, известные в комплексах как второй половины X, так и XI в. (Зайцева, 2018).

В пахотном слое широко представлены предметы, период бытования которых охватывает XI–XII вв., но артефактов — хроноиндикаторов XII–первой половины XIII в. нет. Самый поздний средневековый комплекс, указывающий на использование могильника во второй половине XII — первой половине XIII в., — находки в северной части раскопа 2 (2012 г.): бронзовая прорезная подвеска-петушок “владимирского” типа с шумящими привесками (группа I, тип IV, по: Рябинин, 1981. С. 18, 19); четыре стеклянных навитых бусины темно-оливкового цвета с белым пластичным декором; навятая рифленая полупрозрачная синяя бусина и янтарная кольцевидная, происходящие из заполнения курганного ровика. По особенностям обряда (сложенные на груди и животе руки) к первой половине XII в. отнесено погр. 8 раскопа 2, комплекс которого включает калачевидное кресало с язычком (Макаров и др., 2017).

В лабораториях радиоуглеродного датирования ИИМК РАН (СПб.), ГИН РАН (Москва) и Университетов Киля и Оксфорда датировано 14 образцов угля, древесного тлена и нагара из погребений и связанных с ними объектов на площадке могильника; возраст 3 образцов установлен с использованием AMS-датирования. Определены даты образцов из погребений и заполнения ровиков трех курганов и поминальных комплексов, а также из заполнения ямы одного из грунтовых погребений. Время сооружения кургана 10 на основании этих дат можно с наибольшей вероятностью определить как вторую половину—конец X в. Калиброванные

даты трех образцов угля и древесного тлена из кремации в кургане 12 близки: ОхА-35668, 970–1017 гг. (1б), 896–1021 гг. (2б); ГИН-15514, 892–990 гг. (1б), 777–1023 гг. (2б); ГИН-15515, 882–978 гг. (1б), 776–990 гг. (2б), и дают основание отнести погребение к хронологическому интервалу между рубежом IX–X и началом XI в., с наибольшей вероятностью — к последней четверти X в. Дата, полученная по образцам угля на участке вблизи кургана 3 (2012 г.) (КИА-50457), имеет интервал 890–990 гг. Для комплексов в этой части площадки особенно важна дата, определенная по нагару (КИА-50458), с коротким интервалом 960–1040 гг. Основываясь на этих датах, можно полагать, что три кургана с кремациями были сооружены во второй половине—конце X в., курган 3 — не позднее первой четверти XI в. Наиболее поздняя радиоуглеродная дата ГИН-15678, 1183–1269 гг. (1б), получена по углям из глубокой ямы с пережженной глиной, прорезавшей ровик кургана 12. Характер этого комплекса (ритуальный или производственный?) не прояснен, возможно, он маркирует начало хозяйственной деятельности на площадке в конце XII — первой половине XIII в. после прекращения использования ее для погребений.

Таким образом, могильник начал функционировать не позднее второй половины X в., к этому времени относятся курганы с кремациями и бескурганные кремации. Данных о продолжении кремации после первой четверти XI в. нет, возможно, традиция угасла раньше, на рубеже X–XI вв. Ингумации появились в Шекшове не позднее начала XI в., возможно, в самом конце X в. Трупоположения помещали под курганные насыпи (в грунтовые ямы или на горизонт) или устраивали на открытых площадках в виде бескурганных могил, не отмеченных земляными сооружениями. Из общего числа погребальных комплексов (целых и частично нарушенных) 6 относятся ко второй половине—концу X в., 3 — к концу X — первой половине XI в., 7 — к первой половине XI в., 10 — к XI в., 1 — ко второй половине XI и 1 — к первой половине XII в. Судя по материалам раскопок 2011–2017 гг., период наиболее интенсивного формирования некрополя — вторая половина X — первая половина XI в. Очевидно, могильник продолжали использовать для захоронений и в XII в., но на исследованных участках остатки погребальных комплексов этого времени единичны.

Выводы. Шекшовский некрополь после новых раскопок предстает не как привычное для археологического видения Северо-Восточной Руси курганное поле. Это своеобразный и сложный “ансамбль” с большим разнообразием погребальных обрядов, с грунтовыми погребениями и курганными насыпями. Важной составной частью могильника были кремации, рассеянные на поверхности или помещенные в грунтовые ямы. Можно полагать, что именно они (вместе с курганами, содержащими кремации?) составляли первоначальное ядро некрополя. Шекшово — единственный пока в Суздальском Ополе памятник, где выявлена эта форма погребального обряда. Ингумации в Шекшове — новый обряд, появившийся в конце X — первой четверти XI в. и не имеющий корней в более ранней местной традиции. Смена кремаций ингумациями относится к рубежу X–XI — началу XI в., достоверных свидетельств продолжения практики кремации в XI в. нет. Складывается впечатление, что изменения погребального обряда в конце X — начале XI в. носили характер достаточно радикальной трансформации — в могильнике появились погребения в просторных и глубоких могильных ямах, с немногочисленным инвентарем, ориентированные на погребальный обряд христианских некрополей. Они размещаются на том участке, где еще недавно на поверхности рассыпались кремированные останки. Материалы раскопок в Шекшове документируют появление мощного очага древнерусской культуры в начале XI в. на поселении, в культуре которого предшествующего периода (X в.) ярко выражены финские традиции.

Несмотря на присутствие в погребальном инвентаре предметов вооружения и парадного мужского костюма, придающих памятнику особый колорит, Шекшово — могильник с нормальным половозрастным распределением погребенных (на открытом участке погребено не менее 46 человек, среди них определены останки 10 мужчин, 10 женщин, 14 детей и подростков), отражающий историю популяции, в которой были пропорционально представлены мужчины, женщины и дети.

При всем разнообразии конкретных форм погребальный обряд могильника ориентирован на демонстрацию престижа и высокого благосостояния средневековых насельников Шекшова. Обычные для многих памятников X–XI вв. элементы, которые традиционно рассматривают

как свидетельства богатства, участия в товарно-денежных отношениях и социальных амбиций, представлены здесь чрезвычайно ярко. Численность найденных в Шекшове монет немногим уступает общей численности монет (60), найденных А.С. Уваровым в суздальских могильниках при раскопках 1851–1852 гг. В составе коллекции 12 гирек для малых взвешиваний и 2 фр. весов. Присутствие в могильнике погребений с “оболами мертвых”, обряд с ингумациями в больших ямах, находки предметов вооружения в полной мере соответствуют характеристике поселенческого комплекса, с которым связан некрополь, как “большого поселения” со сложным экономическим укладом и претензиями на роль одного из центров властных отношений. При этом погребения, за единственным исключением, не имеют отчетливых признаков, которые позволили бы дифференцировать их в социальном или имущественном плане. Наборы погребального инвентаря, качество украшений и бытовых вещей, оформление погребальных сооружений указывают скорее на относительную социальную однородность погребенных.

Курган 1, содержащий погребение с инкрустированным боевым топором с княжескими знаками, значительно выделялся размером — диаметр его площадки почти в 2 раза больше обычного. Это единственное погребение, которое можно аргументированно определить как захоронение представителя элиты высокого ранга. Изучение прилегающих к кургану участков показало, что его насыпь находилась на краю массива курганов, идентифицированных геофизической съемкой, примерно в 70 м к юго-западу от участка с древнейшими погребениями — грунтовыми кремациями, т.е. несколько в стороне от раннего ядра, сложившегося в X в. Курган с боевым топором не был первоначальным центром формирования некрополя, его сооружение символизирует “появление” княжеской власти на территории, которая первоначально осваивалась без ее участия. Для понимания характера социальных отношений важно, что погребение представителя княжеской власти пространственно не обособлено, для него отведен один из участков общего некрополя.

Перспектива дальнейшего изучения Шекшовского некрополя как погребального “ансамбля” со сложной пространственной организацией, отражающей социальное устройство и идентичность “больших поселений” Суздальской земли, связана прежде всего с более подробным

определением его границ и реконструкцией пространственной структуры, поисками участков с курганами и грунтовыми погребениями, оставшихся не выявленными после разведок и раскопок 2011–2017 гг. Существенную роль в этом призваны сыграть неdestructивные методы поиска остатков средневековых погребальных сооружений, невидимых в современном ландшафте.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ №19-18-00538 «Средневековые некрополи в изменяющихся ландшафтах: исследование древнерусских могильников с утраченными курганными насыпями».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Могильник Чагода и его место в кругу древностей раннего железного века // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород — Старая Русса). Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. С. 8–10.
- Бельский С.В. Раннесредневековые погребальные памятники на Карельском перешейке: некоторые результаты текущих исследований // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Ред. Н.И. Платонова. СПб.: Бранко, 2017. С. 90–115.
- Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. 2007. № 2. С. 89–107.
- Зайцева И.Е. Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополье // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура / Ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 184–198.
- Зайцева И.Е. Височные кольца из Шекшова в Суздальском Ополье // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой / Ред. А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2017а. С. 187–195.
- Зайцева И.Е. Уздечный набор X в. из Шекшова в Суздальском Ополье // КСИА. 2017б. Вып. 246. С. 306–322.
- Зайцева И.Е. Древнерусские пояса с накладками: социальный статус или традиция? // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2018. № 5: Когда века были средние: общество и власть. С. 267–280.
- Зайцева И.Е. Треугольные шумящие подвески на сельских памятниках Суздальского Ополья // Звучат лишь Письмена. К юбилею А.А. Медынцева / Сост.: И.Н. Кузина, А.А. Гомзин; отв. ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2019. С. 186–199.
- Захаров С.Д. Информационный потенциал культурного слоя, пострадавшего от распашки // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 100–112.
- Захаров С.Д., Меснянкина С.В. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследования // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 4 / Сост. С.В. Шполянский; отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 14–29.
- Липин В.А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 19 с.
- Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996 (Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья; вып. 4). 340 с.
- Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.
- Макаров Н.А. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. С. 91–102.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополья // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию акад. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 435–444.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н. Феномен “больших поселений” Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 115–131.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Бескурганные ингумации в могильнике Шекшова: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 6 / Сост. С.В. Шполянский; отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2016. С. 185–198.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М., Угулава Н.Д. Исследования могильника Шекшова в Суздальском Ополье в 2016–2017 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 7 / Сост. С.В. Шполянский; отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2017. С. 7–18.
- Михайлова Е.Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура / Ред.: Н.А. Макаров,

- А.Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.
- Модин И.Н., Красникова А.М., Ерохин С.А., Макаров Н.А., Милованов С.И., Медведев А.А., Пелевин А.А., Угулава Н.Д., Шоркунов И.Г. Геофизические исследования средневекового курганного могильника Суздальского Ополя Шекшово 9 // Археология и геоинформатика. М. (В печати).
- Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, 1981 (САИ; вып. Е1-60). 124 с.
- Седова М.В. Суздаль в X–XIV веках. М.: Русский мир, 1997. 320 с.
- Спицын А.А. Владимирские курганы // Изв. Императорской Археологической комиссии. Т. 15. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1905. С. 84–172.
- Стасюк И.В. Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1 // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В.В. Седова. Вып. 32. Материалы 62-го заседания / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М., Псков: ИА РАН, 2017. С. 135–152.
- Сыроватко А.С. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // РА. 2014. № 4. С. 48–61.
- Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического Съезда. Т. 2. М.: В Синод. тип., 1871. С. 633–847.
- Janovsky A. Early medieval chamber graves on the south coast of the Baltic Sea // Der Wandel um 1000: Beiträge der Sektion zur Slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009. Langenweißbach, 2011 (Sonderdruck aus Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas; 60). S. 257–267.
- Kara M. Description of the Cemetery, Organization of the Burial Space, the Burial Rites in the Light of the Cultural and Historical Determinants // Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. A. Buko. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 343–411.
- Müller-Wille M. The Cemetery in Bodzia in a Broader European Context // Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. A. Buko. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 479–510.

THE SHEKSHOVO MEDIEVAL BURIAL GROUND: “VLADIMIR MOUNDS” IN THE LIGHT OF NEW FIELD RESEARCH

Nikolay A. Makarov^{1,*}, Anna M. Krasnikova^{2,**}, Irina E. Zaytseva^{1,***},
Maria V. Dobrovolskaya^{1,****}

¹Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

²State Historical Museum, Moscow, Russia

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru

**E-mail: krasnikova.an@yandex.ru

***E-mail: izaitseva@yandex.ru

****E-mail: mk_pa@mail.ru

Field research of the Shekshovo burial ground is the largest in its scope among those conducted in the current century in the funeral sites of North-Eastern Rus. New excavations of the Shekshovo necropolis demonstrate the possibility and prospects of re-visiting certain sites which were considered to have been fully studied earlier. Inhumations, mounds and surface cremations found there (the latter have been previously unknown in Suzdal Opolye) feature the necropolis as a complex with a significant variety of funeral rites and funerary structures, with cultural elements belonging to different traditions. The paper addresses the issues of chronological correlation and historical and cultural relationships between individual groups of burials and gives a general overview of this striking site of the 10th–12th centuries.

Keywords: Rus, funeral rite, burial mounds, cremation, ground burials.

REFERENCES

- Bashen'kin A.N., Vasenina M.G., 2011. The Chagoda cemetery and its place in the circle of antiquities of the early Iron Age. *Trudy III (XIX) Vseross. arkheol. s"yezda (Velikiy Novgorod – Staraya Russa) [Works of the III (XIX) All-Russian archaeological congress (Veliky Novgorod – Staraya Russa)]*, II. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Novgorodskiy tekhnopark, pp. 8–10. (In Russ.)
- Bel'skiy S.V., 2017. Early medieval funerary sites on the Karelian Isthmus: some results of current research. *Élite ou Égalité... Severnaya Rus' i kul'turnyye transformatsii v Evrope VII–XII vv. [Élite ou Égalité... Northern Rus*

- and cultural transformations in Europe of the 7th–12th centuries]. N.I. Platonova, ed. St. Petersburg: Branko, pp. 90–115. (In Russ.)
- Janovsky A., 2011. Early medieval chamber graves on the south coast of the Baltic Sea. *Der Wandel um 1000: Beiträge der Sektion zur Slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009*. Langenweißbach, pp. 257–267. (Sonderdruck aus Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas, 60).
- Kara M., 2014. Description of the Cemetery, Organization of the Burial Space, the Burial Rites in the Light of the Cultural and Historical Determinants. *Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland*. A. Buko, ed. Leiden; Boston: Brill, pp. 343–411.
- Lapshin V.A., 1985. Naseleniye tsentral'nogo rayona Rostovo-Suzdal'skoy zemli X–XIII vv. (po arkheologicheskim dannym): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Population of the central area of the Rostov-Suzdal land in the 10th–13th centuries (based on archaeological data): an author's abstract of the Doctoral Thesis in History]. Leningrad. 19 p.
- Leont'yev A.E., 1996. Arkheologiya meri: K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [Archaeology of Merya: To the pre-history of Northeastern Rus]. Moscow: Geoeko. 340 p. (Arkheologiya epokhi velikogo pereseleniya narodov i rannego srednevekov'ya, 4).
- Makarov N.A., 1997. Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vv. Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Beloz'er'ya i Poonezh'ya [Colonization of the northern outskirts of Rus in the 11th–13th centuries. Based on materials from archaeological sites on the portges of Beloozero and the Onega region]. Moscow: Skriptoriy. 386 p.
- Makarov N.A., 2009. Cultural identity and ethnic situation in the outskirts. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vv.: srednevekovyye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of the North Rus village of the 10th–13th centuries: medieval settlements and burial grounds on Lake Kubenskoye]*, 3. *Paleoekologicheskkiye usloviya, obshchestvo i kul'tura [Palaeoecological situation, society and culture]*. Moscow: Nauka, pp. 91–102. (In Russ.)
- Makarov N.A., Fedorina A.N., 2015. The phenomenon of “large settlements” in North-Eastern Rus in the 10th and 11th centuries. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 238, pp. 115–131. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., 2016. Inhumations without mounds in the Shekshovo burial ground: new materials for the study of the Rus burial rite of the 11th century. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of a scientific seminar]*, 6. S.V. Shpolyanskiy, comp., N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 185–198. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., Krasnikova A.M., 2013. A ceremonial hatchet with princely signs from Suzdal Opolye. *Fundamental'nyye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii. K 70-letiyu akad. A.P. Derevyanko [Fundamental issues of archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia. To the 70th birthday of Academician A.P. Derevyanko]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 435–444. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., Krasnikova A.M., Ugulava N.D., 2017. Research at the Shekshovo burial ground in Suzdal Opolye in 2016–2017. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of a scientific seminar]*, 7. S.V. Shpolyanskiy, comp., N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 7–18. (In Russ.)
- Mikhaylova E.R., 2014. Burial grounds without mounds near the Kotorsk graveyard: chronology and place among the funerary antiquities of the forest belt of Eastern Europe. *Rus' v IX–XII vv.: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th centuries: society, state, culture]*. N.A. Makarov, A.E. Leont'yev, eds. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 317–335. (In Russ.)
- Modin I.N., Krasnikova A.M., Erokhin S.A., Makarov N.A., Milovanov S.I., Medvedev A.A., Pelevin A.A., Ugulava N.D., Shorkunov I.G. Geophysical studies of the medieval mound cemetery Shekshovo 9 in Suzdal Opolye. *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and geoinformatics]*. Moscow. (In print). (In Russ.)
- Müller-Wille M., 2014. The Cemetery in Bodzia in a Broader European Context. *Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland*. A. Buko, ed. Leiden; Boston: Brill, pp. 479–510.
- Ryabinin E.A., 1981. Zoomorfnyye ukrasheniya Drevney Rusi X–XIV vv. [Zoomorphic ornametations of Rus in the 10th–14th centuries]. Leningrad: Nauka. 124 p. (SAI, E1-60).
- Sedova M.V., 1997. Suzdal' v X–XIV vekakh [Suzdal in the 10th–14th centuries]. Moscow: Russkiy mir. 320 p.
- Spitsyn A.A., 1905. Vladimir mounds. *Izv. Impera. Arkheol. komissii [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission]*, 15. St. Petersburg: Tip. Gl. Upr. udelov, pp. 84–172. (In Russ.)
- Stasyuk I.V., 2017. Early medieval cremations of the Ratchino 1 burial ground. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: seminar im. akad. V.V. Sedova [Archaeology and history of Pskov and the Pskov Land: Seminar to Academician V.V. Sedov]*, 32. *Materialy 62-go zasedaniya [Proceedings of the 62nd meeting]*. N.V. Lopatin, ed. Moscow, Pskov: IA RAN, pp. 135–152. (In Russ.)
- Syrovatko A.S., 2014. Burials with cinerations on the Middle Oka River of the second half of the 1st millennium AD. *RA [Russian archaeology]*, 4, pp. 48–61. (In Russ.)

- Uvarov A.S., 1871. Meryans and their everyday life based on mound excavations. *Trudy I Arkheologicheskogo S"yezda [Works of the I Archaeological congress]*, 2. Moscow: V Sinod. tip., pp. 633–847. (In Russ.)
- Vishnevskiy V.I., Kir'yanova N.A., Dobrovol'skaya M.V., 2007. Ratkovo early Middle Ages Finno-Ugric burial ground: chronology, culture and ritual. *RA [Russian archaeology]*, 2, pp. 89–107. (In Russ.)
- Zakharov S.D., 2014. Information potential of the cultural deposit destroyed by ploughing. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 233, pp. 100–112. (In Russ.)
- Zakharov S.D., Mesnyankina S.V., 2012. Cemeteries of the Krutik settlement: first results. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of a scientific seminar]*, 4. S.V. Shpolyanskiy, comp., N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 14–29. (In Russ.)
- Zaytseva I.E., 2015. Details of a belt set from Shekshovo in Suzdal Opolye. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura [Towns and villages of medieval Rus: archaeology, history, culture]*. P.G. Gaydukov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 184–198. (In Russ.)
- Zaytseva I.E., 2017a. Temple rings from Shekshovo in Suzdal Opolye. *Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy. K yubileyu M.D. Poluboyarinovoy [Sites of medieval archaeology of Eastern Europe. To the anniversary of M.D. Poluboyarinova]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 187–195. (In Russ.)
- Zaytseva I.E., 2017b. The 10th century bridle set from Shekshovo in Suzdal Opolye. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 246, pp. 306–322. (In Russ.)
- Zaytseva I.E., 2018. Viking Age Rus belts with plaques: social status or a tradition? *Stratum plus*, 5. С. 267–280. (In Russ.)
- Zaytseva I.E., 2019. Triangular rattle pendants in rural sites of Suzdal Opolye. *Zvuchat lish' Pis'mena. K yubileyu A.A. Medyntsevoy [Only Letters sound. To the anniversary of A.A. Medyntseva]*. I.N. Kuzina, A.A. Gomzin, comp., V.Yu. Koval, ed. Moscow: IA RAN, pp. 186–199. (In Russ.)